

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ilfandpetrov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров

Май на Мурманском направлении

I

Эти строки пишутся в маленькой землянке, построенной на склоне горы, среди гранитных скал и мелкого, очень редкого лесочка. Сейчас ночь, но пишешь при дневном свете. Землянка обита внутри фанерой. Горит железная печка, в которую надо беспрерывно днем и ночью подкладывать дрова, иначе станет холодно. За маленьким окошком косо летит снег. После нескольких солнечных дней, во время которых вскрылись горные реки и ручейки и стал было таять снег, температура снова упала. Начался буран. Он завалил снегом дороги, ложины, склоны гор, огневые позиции артиллерии, наблюдательные пункты, землянки и сложенные из камней пехотные окопы (окопы здесь не роются, а возводятся). Как видите, май на Кольском полуострове, за Полярным кругом, имеет свои чисто местные особенности.

Фронтвики, прошедшие здесь всю кампанию, говорят, что такого обильного снегопада не было за всю зиму. Но война продолжается. На этом далеком фронте, прилегающем к Баренцеву морю (с крайней правой его точки видны не только финляндские, но и норвежские берега), идут ожесточенные бои.

Мурманское направление – один из серьезных участков войны с Германией. Отстоять Мурманск от немцев, которые рвались туда летом и осенью прошлого года, было задачей чрезвычайно тяжелой. В июне немцы, пользуясь, как и всюду, преимуществом внезапности, перешли границу и, оттеснив наши пограничные части, устремились к Мурманску. Немцы надеялись захватить этот единственный в Советском Союзе северный незамерзающий порт в течение нескольких дней. Немцы возлагали на эту операцию громадные надежды. В бой они бросили две прославленные горно-егерские дивизии (2-ю и 3-ю). Все солдаты ее носили на левом рукаве мундира серебряную табличку с лавровым венком и надписью: «Герою Нарвика». Кроме того, в наступление были брошены четыре батальона эсэсовцев, огромных молодцов, не ниже ста восьмидесяти сантиметров роста. Эмблемой этих людей, считавших состояние войны единственным нормальным состоянием человека, был череп с костями. Глупые молодые звери носили черепа на фуражках, на рукавах, на портмоне, портсигарах, кольцах, – одним словом, всюду, где только возможно. И вот все эти «герои Нарвика», с приданными им героями черепа, устремились на Мурманск. Егерями командовал генерал-майор Шернер. Пленные рассказывали, что во время первой мировой войны он был командиром взвода в той самой роте, в которой Гитлер служил писарем. Достигнув власти, писарь проникся к своему бывшему командиру внезапной симпатией (это хорошо звучало для газет), сделал его генералом и всячески заботился об этих привилегированных дивизиях. Пленные рассказывали, что часто Гитлер сносился непосредственно с Шернером через голову его начальства.

– Шернер – жестокий человек, – сказал мне один из пленных, – солдаты не любят его.

В июне немцы несколько продвинулись по дороге Петсамо – Мурманск. Но дальше немцы пройти не смогли. Потеряв семьдесят пять процентов своего состава, горные егеря остановились. Множество егерей было уничтожено в одной из ложин, которая носит с тех пор название «Долина смерти».

Фронт стабилизировался. Немцы делали еще две попытки овладеть Мурманском, в августе и сентябре, но понесли полное поражение. В сентябре немцам удалось продвинуться еще немного, но последовал наш контрудар, и немцы были не только побиты, но и отброшены на десятки километров.

Последние дни я бродил по фронту (именно бродил, потому что здесь собственные ноги – наиболее популярный способ передвижения) и теперь имею некоторое представление о том, что собой представляет мурманский театр войны.

Театр этот состоит из почти сплошного нагромождения покрытых снегом невысоких гор и громадных, часто четырехугольных камней. Они черные, с малахитовой прозеленью. Между горами озера или ложины, по которым идут протоптанные в снегу скользкие тропинки шириною всего в одну подошву, так что идти по ним трудно, как по канату. Иногда из-под снега выступают кочки, покрытые сухим желто-зеленым мхом – ягелем. В трещинах между ними, среди синего льда, течет быстрая весенняя

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
водица. По тяжелым дорогам идут к фронту те же люди, те же орудия и те же автомобили, что и на Западном фронте. Война, всюду война. Но здесь вы вдруг можете увидеть сделанное из снега стойло и гнедую лошадку, которая мирно жуёт сено, уткнув добрую морду в ледяную кормушку. Или, проходя в непосредственной близости от передовой линии, вы вдруг остановитесь перед зрелищем, от которого забьется сердце любого мальчика или любителя географии: с горы со скоростью мотоциклета спускается на лыжах человек в островерхой шапке и меховой малице. Он проносится мимо вас, на мгновение обернув к вам скуластое коричневое морщинистое лицо без признаков растительности. Это погонщик оленей, ненец, который пришел со своими оленями за три тысячи километров из Большеземельской тундры, чтобы воевать с немцами. Потом вы видите стадо оленей. Они запряжены в длинные высокие нарты. Олени здесь подвозят разведчикам боеприпасы и увозят в тыл раненых. Но это не те олени, которых вы привыкли видеть на картинках. Это весенние олени. Рога у них уже отпали. Отрастут они только к осени. Лишь у одного сохранился на голове полный ветвистый комплект. У другого уныло торчит только один рог, покрытый на концах разветвлений нежным мехом. Пройдет два-три дня – и эти два оленя тоже лишатся своих прелестных украшений. Безрогие олени похожи на самых обыкновенных телят. Очевидно, поэтому вид у них немного сконфуженный.

Горное эхо далеко разносит выстрелы. Когда стреляет пулемет в трех километрах, кажется, что стреляют над самым ухом.

Здесь нет населенных пунктов. Бойцы живут в землянках и палатках. Их не видно, пока не подойдешь к ним вплотную: так похожи они на разбросанные повсюду камни. И только горький дымок от железных печек, снежные тропки да провода телефона напоминают о том, что здесь, в этом глухом краю, можно не только жить, но и воевать.

II

Метель продолжалась три дня. Военные действия не затихали. Они, конечно, потеряли в стремительности, но самый тот факт, что они велись, дает вам представление о неслыханном в истории ожесточении, с каким проходит эта титаническая война не на жизнь, а на смерть.

По утрам во время метели дежурный телефонист снимал в штабной землянке телефонную трубку и, нисколько не удивляясь, слышал строгий командирский голос:

– Откопайте меня. Я уже проснулся.

Командирскую палатку откапывали. Командир выходил из нее, низко согнувшись. Он разгибал и поводил богатырскими плечами. Он снимал гимнастерку и долго, с удовольствием тер лицо и шею свежим, сухим снегом. То, что это не декабрьский снег, а майский, даже веселило командира. Можно немного пошутить на этот счет. Собственно, командир был даже рад, что его палатку завалило снегом. По крайней мере никто его не беспокоил и можно было наконец вздремнуть часа два после шести бессонных ночей.

Красноармейцы раскапывали палатки соседей. Начинался боевой полярный день, ничем, впрочем, не отличающийся от ночи.

Разведчики в белых маскировочных халатах, с автоматами на шее отправлялись в разведку. В такую бурю можно подойти незамеченным хоть к самому генералу Шернеру. Олени увозили в тыл раненых. Артиллерия била по заранее пристрелянным целям. Пехота все больше смыкала кольцо вокруг небольшого горного пространства, где на вершинах среди камней сосредоточилась довольно крупная немецкая часть. Этот выступ командование для удобства назвало «аппендицитом».

Этот «аппендицит» требовал незамедлительной операции. И она была проведена с удивительным упорством. Немцев отрезали и уничтожили. Человек тридцать солдат во главе с обер-лейтенантом сдались в плен.

Сейчас еще трудно сказать, сколько немцы потеряли убитыми, так как трупы завалены снегом. Но, судя по показаниям пленных, немцы потеряли не меньше батальона.

Всего же за первые дни мая немцы потеряли на этом узком участке фронта (он не

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru превышает от берега Баренцева моря и сорока километров) больше четырех тысяч человек.

Интересно, что потери эти пали главным образом на 6-ю горно-егерскую дивизию, которая сменила разбитые части 2-й и 3-й дивизий. Она прибыла из Нарвика. После разгрома их увели в Норвегию на отдых и переформирование.

Интересна история 6-й германской горно-егерской дивизии. С наглостью и самоуверенностью бандитов, знающих, что они не встретят серьезного сопротивления, вторглись немецкие солдаты в пределы несчастной отважной Греции.

Во время парада в Афинах 6-я дивизия шла во главе войск. Она была признана лучшей среди лучших. Это были наглые здоровые парни. Я рассматривал фотографии, найденные в их карманах. Они любили сниматься на Акрополе, на фоне Парфенона. Надо видеть этих людей в стальных шлемах, с идиотски выпученными глазами рядом с классическими колоннами, под сенью которых прогуливались когда-то мудрецы и поэты!

Однако любовь к истории недолго занимала господ командиров и солдат знаменитой дивизии. Они занялись более существенным делом.

– В Греции очень хорошие и дешевые женщины, – деловито рассказал мне один из пленных, – их можно было брать за кусок хлеба. Но вот мужчины – сущие черти. Того и гляди, воткнут нож в спину.

Последняя операция, проведенная в Греции командованием 6-й дивизии, заключалась в том, что оно просто-напросто обокрало в Афинах королевскую конюшню. Взамен королевских коней поставили в королевские стойла потрепанных в походе немецких одров.

На наш фронт дивизия явилась с такой же самоуверенностью, как и в Грецию, да еще с королевскими лошадьми. Лошадки быстро подошли. Их новые хозяева были разбиты так же, как и их предшественники.

Сейчас, во время майских боев, Шернер бросил на фронт все свои силы. Но от дивизий осталась лишь одна сомнительная слава. Солдаты либо лежат в лапландских снегах, либо отлеживаются в норвежских госпиталях. Новый состав дивизий совсем не похож на старый.

«Весенний немец», как выражаются на фронте, – это не очень-то верящий в победу человек. Он еще далек от панического бегства. Он сражается в силу своей покорности и привычки подчиняться. Но среди пленных уже нелегко найти убежденных гитлеровцев (в свое время их было довольно много).

Я провел несколько интересных часов в землянке, где в ожидании отправок в тыл сидели человек двенадцать немецких солдат. Они хозяйственно растапливали печку, наслаждаясь теплом, и были очень словоохотливы.

Один из них, старший ефрейтор, тридцатилетний

Бруно (фамилии его я не назову, так как это может повредить его отцу), так рассказал о своем пленении:

- Мне поручили отвести этого солдата в околоток, так как он был болен.
- Это меня, – широко улыбаясь, подтвердил солдат, стоявший рядом.
- Ладно. Помолчи, – сказал первый. – Значит, мы пошли. И когда мы шли, началась вьюга. И мы потеряли дорогу. Идем, а куда, не знаем.
- Мы все-таки думали, что идем правильно, – вставил второй солдат.
- Ладно. Помолчи, – сказал первый. – Вот идем мы, а тропинок уже никаких нет, все занесло снегом. Ну, думаю, кажется, мы заблудились. И холодно стало. Ветер. Вот, значит, мы идем и идем. Потом, смотрим: пробежала какая-то фигура в маскировочном халате. А он говорит (Бруно показал на второго солдата), что мы, наверно, правильно пришли к нашим тылам.

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

- Я так сказал, – подтвердил второй солдат, разевая рот до самых ушей.
- Он так сказал. А я говорю, что как будто так оно и есть. Потом смотрим: стоят за скалой несколько человек в белом. Спасаются от ветра. Мы пошли к ним, потому что вьюга била прямо в лицо и нам тоже хотелось укрыться от ветра. Вот, значит, мы подходим, и, когда до них оставалось пять шагов, мы увидели, что это русские.
- Выходит, мы шли как раз в противоположную сторону, – объяснил второй солдат.
- Ладно. Помолчи, – сказал первый. – Ну, только мы увидели, что это русские, мы сразу бросили винтовки и подняли руки. Я закрыл глаза и думаю: «Ну, наверно, сейчас застрелят». И иду дальше вперед с закрытыми глазами.
- Но они в нас не стали стрелять, – сказал второй солдат.
- Да, они в нас не стали стрелять! – торжественно подтвердил первый.
- Как же вас приняли? – спросил я.
- O! herzlich! – воскликнул Бруно, приложив руки к груди. – Сердечно.
- Как же все-таки?
- Нас согрели, дали чаю, покормили.
- А мы думали, что они нас убьют, – объяснил второй солдат, – нам всегда говорили, что русские пленных убивают.
- Да, нам так говорили, – сказал первый, – и мы этому верили.
- Теперь мы видим, что это оказалось не так, – сказал второй.
- Мы не хотели сдаваться в плен, – сказал первый, – потому что мы были уверены, что нас убьют. Мы не нарочно пришли. Мы заблудились. Мы просто заблудились.
- Мы ничего не видели из-за вьюги, – подтвердил второй.
- Помолчи, – сказал первый и торжественно объявил: – Но это очень хорошо, что мы заблудились.
- Нам просто здорово повезло, что мы заблудились, – сообщил второй.
- Если б мы знали, что нас не убьют, – продолжал первый, – мы бы пришли раньше.
- Мы бы пришли нарочно, а сейчас мы пришли случайно.
- Да, мы бы пришли нарочно. И не только мы. У нас есть очень много солдат, которые пришли бы нарочно, чтобы сдать в плен. Хотя это трудно. Но они все равно пришли бы, если б только знали, что их не убьют.
- Они не хотят драться с русскими.
- Они не понимают, зачем им надо воевать с Россией. Пусть русские живут у себя, а мы будем жить у себя.
- Эту войну выдумал Гитлер, – сказал второй солдат.
- Это верно, – сказал первый. – Мой отец – очень умный человек. Он кузнец. И, как сейчас помню, в тысяча девятьсот тридцать третьем году, когда Гитлер взял власть, отец мне сказал: «Ну, сынок, теперь ты не должен жениться, теперь, значит, Гитлер обязательно устроит войну». Так оно и оказалось. Я не женился. И теперь мне легче, что у меня нет жены и детей. Да. Мой отец все понимал.
- Жалко, что наши ребята не знают, что русские берут в плен, – сказал второй со вздохом. – Если б они знали...
- Им там здорово забили головы, – подтвердил первый.

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
Впоследствии оба эти солдата выступали по радио и звали солдат из своей роты сдаваться в плен.

III

Мы долго идем в гору, скользя по подтаявшей дороге. Иногда, желая сократить расстояние до вершины, мы идем напрямик и проваливаемся в снег до бедер. Иногда мягко ступаем по обнажившимся от снега островкам земли, покрытой сухим, пружинящим мхом. Он зеленоватый с небольшой желтизной. Его очень любят олени. Среди мха попадаются вялые, полопавшиеся ягодки брусники.

Недалеко от вершины мы останавливаемся, чтобы немного передохнуть.

Конец мая.

С Баренцева моря дует свежий корабельный ветер. Но моря не видно. Оно там, впереди. К нему ведет залив, похожий на широкую горную реку. Солнце в зените. От его отвесно падающих лучей залив так горячо блестит, что отсюда, сверху, на него больно смотреть, – огненная вода среди заснеженных гор.

На батарее готовность номер два. Это значит, что в воздухе тихо, но тем не менее надо помнить, что враг близко и появления его нужно ожидать каждую минуту. Стволы зениток торчат почти вертикально над землей. Люди сидят неподалеку. Один читает газету. Другой с ловкостью опытной хозяйки ставит латку на прохудившиеся рабочие брюки. Третий просто греется на солнышке, отдыхая после суровой полярной зимы. У него мечтательное выражение лица. Может быть, он думает о любимой девушке. Бойцы часто говорят о доме. Но всякий разговор о возвращении домой начинают так: «Вот побьем немца – и тогда...»

Целая группа бойцов играет с оленем по имени Лешка. Русский человек любит покровительствовать. Вероятно, поэтому на кораблях или на батареях часто приживаются коты и собаки. С ними охотно возятся, дают им вкусные кусочки, обучают их разным веселым фортелям.

Здесь, на зенитной батарее, почти с самого начала войны завелся олень. Его нашли в горах. Он, видимо, отбил от стада, заболел, отошал и еле двигался. Бойцы привели его на батарею, вылечили и откормили, назвали Лешкой.

Олень для русского человека – весьма экзотическое животное, и то, что по батарее бегал большой отъевшийся олень с длинными ветвистыми рогами, веселило и радовало людей. С ним разговаривали так, как обычно человек разговаривает с собакой. И Лешка, если можно так выразиться, приобрел собачий характер: он прибегает, если его зовут, ласкается, как щенок, иногда в шутку делает вид, что хочет укусить. Иногда он уходит в горы, бродит там, вспоминая свою оленью жизнь, разгребает копытами снег и жует олений мох; но к завтраку, обеду и ужину обязательно поспевает домой.

Война не нравится ему, но он привык. Как это ни странно, но, заслышав выстрелы, он мчится на батарею. Там, правда, грохот сильнее, но зато все свои, а на миру, как говорится, и смерть красна. Один раз его использовали по прямому назначению: когда замело дороги и автомобили не могли двигаться, его впрягли в сани, и он подвозил на батарею снаряды.

Есть на батарее также маленькая раздражительная собачка и жирный, совершенно апатичный кот. Зимой кот по целым дням сидел в землянке и грелся возле железной печки. Когда печка потухала, он мяукал, чтобы привлечь внимание дневального, на обязанности которого лежит подкладывать дрова. Сейчас он греется на солнышке, вытянув лапки.

Мне привелось посмотреть батарею в действии.

Была объявлена тревога.

Неприятельские самолеты еще не появлялись, а на батарее уже все было готово.

Дальномерщики прильнули к своему длинному, похожему на горизонтально поставленный пушечный ствол, дальномеру.

Орудия были заведены в ту сторону, откуда ожидалось немцы. Уже были известны их курс и высота их полета.

Приготовления были сделаны в течение нескольких секунд.

Командир и комиссар стояли с биноклями посредине батареи.

Олень Лешка пошел поближе к дальномерщикам (подальше от орудий) и остановился, опустив голову. Так он и простоял в течение всего боя – совершенно неподвижно, – не олень, а памятник оленю.

Кот, не дожидаясь первых выстрелов, брезгливо отряхнул лапки, потянулся (он знал, что в его распоряжении есть еще несколько секунд) и неторопливо пошел в землянку: там спокойнее.

Собачка томилась. Она тоже знала, что предстоит стрельба, но никак не могла к ней привыкнуть. Она присела на задние лапы и стала смотреть туда, куда смотрели все, – в небо. При этом она часто моргала рыжими ресничками. Как только раздался первый залп, она залаяла. Так она и пролаяла весь бой, суетливо и нервно, как лает подозрительная дворняжка, почуявшая чужого. Она облаивала «юнкерсов» и «мессершмиттов» с такой же страстью, с какой ее деревенский двойник облаивает забравшуюся из соседского двора курицу.

Собачка была единственным существом, проявившим во время боя нервозность. Люди работали с поразившим меня спокойствием. Между тем они работали и с удивительной быстротой. Это вот соединение спокойствия с быстротой и есть высший класс работы артиллеристов. В какие-то секунды нужно было ловить в дальномер неприятельские самолеты, определять их меняющуюся высоту, направление и скорость. Потом наводка и наконец залп. Если бы эту сцену наблюдал глухой, ему, вероятно, показалось бы, что неторопливые люди делают какую-то спокойную работу. Только по непрерывным оглушительным залпам можно было судить, с какой быстротой велась стрельба.

Немцев не допустили до города. Зенитки стреляли очень точно, и немцы поспешили выйти из сферы огня.

Был объявлен отбой.

И тотчас же олень поднял голову и обвел всех повеселевшими телячьими глазами.

Из землянки медленно вышел кот. Он зевнул и, выбрав местечко посуше, растянулся на солнышке.

И только собачка никак не могла успокоиться. Она бегала от орудия к орудию, обнюхивала людей. Потом улеглась неподалеку от кота, закрыла глаза и сделала вид, что дремлет. Но по дрожащему кончику хвоста было видно, что она все еще переживает событие. Потом хвостик перестал работать, собачка и впрямь заснула; но и во сне она не могла успокоиться, рычала и повизгивала.

Вероятно, ей снились пикирующие бомбардировщики.

IV

Мы сидели в уютно обставленном кабинете бревенчатого домика, типичного домика в Заполярье, и говорили об авиации.

Здесь, на Мурманском направлении, трудно сказать, кто первенствует: наземные войска, флот или авиация. Участок фронта необыкновенно напряженный. Напряжение здесь никогда не уменьшается. Но особенно сильное напряжение, конечно, в авиации. Если, скажем, в пехоте решают дни, а в море часы, то в авиации решают секунды.

Нас было двое в кабинете. Но в наш разговор, который обещал стать интересным, вмешался третий голос. Это был твердый, довольно громкий, весьма официальный голос. И он сказал:

– Воздух. Ноль девять, пятьдесят два, двенадцать. По курсу сто тридцать пять.

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Высота три тысячи метров. Два «мессершмитта-109».

Командующий ПВО не обернулся на голос, который исходил из репродуктора за его спиной. Он мельком взглянул на карту и сказал:

– Обычная история. Это их классическая тактика. Поднять нашу авиацию, отвлечь ее, заставить погулять по воздуху, а когда она пойдет на аэродромы заправляться, сделать налет. Мы хорошо знакомы с этой ловушкой и стараемся в нее не попадаться. В воздухе совсем как в картежной игре – кто кого обманет!

И командующий засмеялся.

Мне всегда казалось с земли, что в воздушном бою есть много романтики, много личного героизма, но вовсе нет плана боя. Мне казалось, что тактика воздушного боя рождается сама собой, как бог на душу положит. Оказывается, с земли не только следят за ходом боя, но очень точно и быстро им руководят.

Минут через десять репродуктор снова сказал «воздух!» и назвал новые данные. На этот раз на Мурманск шли бомбардировщики с истребителями.

– Придется давать тревогу, – сказал командующий со вздохом.

Мне повезло. Я вовремя очутился в некоем месте с биноклем. Назовем это место: «Где-то в Заполярье». Рядом стоял командующий. Немного ниже, на уровне наших ног, сидела у радиотелефона весьма милая девушка в кокетливой пилотке и в наушниках. Она выслушивала приказания и говорила в трубку:

– Леопард! Леопард! Я Вишня. Я Вишня. Измените курс! Измените курс! (Она назвала курс.) Повторите приказание. Перехожу на прием...

«Леопардом» назывался один из истребителей в воздухе. Это не мешает ему завтра назваться «Сорокой». «Вишней» на этот раз были мы.

И в то же мгновение самолет, которого в голубом небе почти не было видно на высоте пяти тысяч метров и находить его приходилось по белому следу, который он оставлял, сделал то, о чем просила его симпатичная «Вишня»: повернул и пошел в том направлении, откуда (на земле люди знали это точно) шли немецкие бомбардировщики. За ним повернули еще несколько истребителей.

Я видел потом, как «юнкерсы» вываливались из легких, перистых облаков и камнем пикировали вниз, на залив.

Такого ясного и четкого, я бы сказал «сюжетного», сражения невозможно увидеть на земле в условиях современной войны. Трудно найти сравнение. Пожалуй, самым точным было бы сравнить такой воздушный бой с каким-нибудь наполеоновским сражением, когда полководец видит в подзорную трубу все перипетии боя, с той только поправкой, что сражение продолжается всего несколько минут.

За эти несколько минут действительно произошло все. Мы видели ход боя и в точности узнали его результаты.

– Bravo, зенитчики! – сказал командующий, не отрываясь от бинокля.

– Я не вижу, – пролепетал я.

– Смотрите, торчит труба, – сказал он, – возьмите чуть правее и выше.

Я увидел простым глазом падающий на землю бомбардировщик. От него отделились три парашюта. Они казались совсем маленькими:

– Посмотрите: немецкие истребители скопились слева. Они охраняют бомбардировщики при выходе из пике.

Он отдал несколько приказаний.

– Орел! Орел! – закричала под нами телефонистка взволнованным голосом. – Я Вишня, я Вишня!..

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Над нашими головами с грохотом пронеслась семерка «харрикейнов». Они шли, чтобы отрезать путь бомбардировщикам.

Очень ясно было видно, как упал еще один немецкий бомбардировщик, сбитый истребителем.

– Черт побери! – крикнул вдруг командующий.

– Что? Что? – спросил я.

– Подбили нашего! – отрывисто сказал он, не отрываясь от бинокля.

Я увидел в бинокль, как один из наших истребителей быстро уходил куда-то в сторону и вниз. За ним тянулся дымок.

– Пошел на аэродром, – сказал командующий, – может быть, дотянет.

Бой отдалился. Бомбардировщики ушли. Их было семь. Ушло пять. Теперь на большой высоте сражались только истребители.

– Еще один немец, – сказал генерал. – «Мессер сто девятый».

Он упал на далекую снежную гору, и оттуда долго еще шел дым, как будто путники развели там костер.

Бой окончился. К командующему подошел адъютант.

– С аэродрома сообщают, что самолет сел на живот. Летчик жив. Легко ранен. Самолет требует ремонта.

– Соколов? – спросил командующий.

– Точно. Соколов, товарищ полковник.

– Хороший летчик! – сказал командующий. – Талант! Это не шутка – посадить горящую машину!

– С аэродрома сообщают, что Соколов не хочет идти в лазарет, – добавил адъютант, – просится в бой.

Еще через несколько минут доложили, что все немецкие бомбы попали в воду. Я вспомнил, что мы действительно не видели ни одного разрыва фугасок.

С постов ПВО подтвердили, что на земле обнаружены три сбитых немецких самолета. На поиски спустившихся на парашютах немцев была послана команда.

На другой день я собственными ушами слышал по радио немецкое сообщение об этом бое. Немцы сообщали, что произвели на Мурманск ужасный налет. По их утверждению, город разрушен, сбито двадцать два советских самолета, а немцы потеряли лишь один самолет.

Это была даже не ложь, а нечто совершенно непонятное, патологическое. Впрочем, противник, теряющий чувство юмора, – хороший признак!

1942

Севастополь держится

Прошло двадцать дней, как немцы начали наступать на Севастополь. Все эти дни напряжение не уменьшалось ни на час. Оно увеличивается. Восемьдесят шесть лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день.

Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история. Территория, обороняемая нашими моряками и пехотинцами, невелика. Каждый метр ее простреливается всеми видами оружия. Здесь нет тыла, здесь есть только фронт. Ежедневно немецкая авиация сбрасывает на эту территорию огромное количество бомб, и каждый день неприятельская пехота идет в

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
атаку в надежде, что все впереди снесено авиацией и артиллерией, что не будет больше сопротивления. И каждый день желтая, скалистая сева­сто­поль­ская земля снова и снова оживает и атакующих немцев встречает ответный огонь.

Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домами и железными балкончиками, которые каждую весну красили голубой или зеленой краской. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои. И если мне хочется привести несколько случаев героизма людей, то потому лишь, что эти случаи типичны.

В одной части морской пехоты командиры взводов лейтенант Евтихеев и техник-интендант 2-го ранга Глушенко получили серьезные ранения. Они отказались уйти с поля сражения и продолжали руководить бойцами. Им просто некогда было уйти, потому что враг продолжал свои атаки. Они отмахнулись от санитаров, как поглощенный работой человек отмахивается, когда его зачем-нибудь зовут.

Пятьдесят немецких автоматчиков окружили наш взвод, где засела горсточка людей. Но эти люди не сдались, они уничтожили своим огнем тридцать четыре немца и стали пробиваться к своим только тогда, когда у них не осталось ни одного патрона. Удивительный подвиг совершил тут краснофлотец Полещук. Раненный в ногу, не имея ни одного патрона, он пополз прямо на врага и заколол штыком двух автоматчиков.

Краснофлотец Сергейчук был ранен. Он знал, что положение на участке критическое, и продолжал сражаться с атакующими немцами. Не знаю, хотел ли он оставить по себе память или же просто подбодрить себя, но он быстро вырвал из записной книжки листок бумаги и написал на нем: «Идя в бой, не буду щадить сил и самой жизни для уничтожения фашистов, за любимый город моряков – Севастополь».

Вообще в эти торжественные и страшные дни людей охватила потребность написать хоть две-три строки. Это началось на одной батарее. Там кто-то написал, что готов умереть, но не пустить немцев в Севастополь. Он подписал под этими строками свою фамилию, за ним то же самое стали делать другие. Они снова давали родине клятву верности, чтобы сейчас же, тут же сдержать ее. Они повторяли присягу под таким огнем, которого никто никогда не испытал. У них не брали присягу, как это бывает обычно. Они давали ее сами, желая показать пример всему фронту и оставить память своим внукам и правнукам.

В сочетании мужества с умением заключена вся сила сева­сто­поль­ской обороны лета 1942 года. Севастопольцы умеют воевать. Какой знаток военно-морского дела поверил бы до войны, что боевой корабль в состоянии подвезти к берегу груз, людей и снаряды, разгрузиться, погрузить раненых бойцов и эвакуированных женщин и детей, сделав все это в течение двух часов, и вести еще интенсивный огонь из всех орудий, поддерживая действия пехоты! Кто поверил бы, что в результате одного из сотен короткого авиационного налета, когда немцы сбросили восемьсот бомб, в городе был всего один убитый и один раненый! А ведь это факт. Севастопольцы так хорошо зарылись в землю, так умело воюют, что их не может взять никакая бомба.

Только за первые восемь дней июня на город было сброшено около девяти тысяч авиационных бомб, не считая снарядов и мин. Передний край обороны немцы бомбили с еще большей силой. Не знаю точно, сколько было сброшено бомб и сделано выстрелов по Севастополю и переднему краю за все двадцать дней штурма. Известно только, что огонь непрерывно возрастает и каждый новый день штурма ожесточеннее предыдущего.

Немцы вынужденно пишут сейчас, что Севастополь неприступная крепость. Это не восхищение мужеством противника. Гитлеровцы не способны на проявление таких чувств. Это примитивный прием фашистской пропаганды. Если им удалось бы взять Севастополь, они заорали бы на весь мир: «Мы взяли неприступную крепость!» Если они захлебнутся, не смогут войти в город, они скажут: «Мы говорили, что эта крепость неприступна».

На самом деле Севастополь никогда не был крепостью со стороны суши. Он укрепился с волшебной быстротой уже во время обороны. Восьмой месяц немцы терпят под Севастополем поражение за поражением. Они теряют людей втрое, впятеро больше,

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
чем мы. Они обеспокоены и обозлены – Севастополь уже давно обошелся им дороже самой высокой цены, которую они сочли бы разумным за него заплатить. Теперь каждый новый день штурма усугубляет поражение немцев, потому что потери, которые они несут, невозместимы и рано или поздно должны сказаться.

Двадцать дней длится штурм Севастополя, и каждый день может быть приравнен к году. Город держится наперекор всему – теории, опыту, наперекор бешеному напору немцев, бросивших сюда около тысячи самолетов, около десяти лучших своих дивизий и даже сверхтяжелую 615-миллиметровую артиллерию, которая никогда еще не применялась.

Самый тот факт, что город выдержал последние двадцать дней штурма, есть уже величайшее военное достижение всех веков и народов. А он продолжает держаться, хотя держаться стало еще труднее.

Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

– Ничего, держимся.

Они не говорят: «Пока держимся». И они не говорят: «Мы удержимся». Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнет они или спасутся. Они просто отстаивают корабль всей силой своего умения и мужества.

Действующая армия

24 июня 1942 г.

(По телеграфу)

Прорыв блокады

Лидер «Ташкент» совершил операцию, которая войдет в учебники военно-морского дела как образец дерзкого прорыва блокады. Но не только в учебники войдет эта операция. Она навеки войдет в народную память о славных защитниках Севастополя, как один из удивительных примеров воинской доблести, величия и красоты человеческого духа.

Люди точно знали, на что они идут, и не строили себе никаких иллюзий. «Ташкент» должен был прорваться сквозь немецкую блокаду в Севастополь, выгрузить боеприпасы, принять на борт женщин, детей и раненых бойцов и, снова прорвав блокаду, вернуться на свою базу.

26 июня в два часа дня узкий и длинный голубоватый корабль вышел в поход. Погода была убийственная – совершенно гладкое, надраенное до глянца море, чистейшее небо, и в этом небе занимающее полмира горячее солнце. Худшей погоды для прорыва блокады невозможно было придумать.

Я услышал, как кто-то на мостике сказал: «Они будут заходить по солнцу».

Но еще долгое время была тишина, и ничто не нарушало ослепительного голубого спокойствия воды и неба.

«Ташкент» выглядел очень странно. Если бы год назад морякам, влюбленным в свой элегантный корабль, как бывает кавалерист влюблен в своего коня, сказали, что им предстоит подобный рейс, они, вероятно, очень удивились бы. Палубы, коридоры и кубрики были заставлены ящиками и мешками, как будто это был не лидер «Ташкент», красивейший, быстрейший корабль Черноморского флота, а какой-нибудь пыхтящий грузовой пароход. Повсюду сидели и лежали пассажиры. Пассажир на военном корабле! Что может быть более странного! Но люди уже давно перестали удивляться особенностям войны, которую они ведут на Черном море. Они знали, что ящики и мешки нужны сейчас защитникам Севастополя, а пассажиры, которых они везут, – красноармейцы, которые должны хоть немного облегчить их положение.

Красноармейцы, разместившись на палубах, сразу же повели себя очень самостоятельно. Командир и комиссар батальона посовещались, отдали приказания, и моряки увидели, как красноармейцы-сибиряки, никогда в жизни не видевшие моря,

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru потащили на нос и корму по станковому пулемету, расставили по бортам легкие пулеметы и расположились так, чтобы им было удобно стрелять во все стороны. Войдя на корабль, они сразу же стали рассматривать его, как занятую ими территорию, а море вокруг – как территорию, занятую противником. Поэтому они по всем правилам военного искусства подготовили круговую оборону. Это понравилось морякам: «Вот каких орлов везем», – говорили они. И между моряками и красноармейцами сразу же установились приятельские отношения.

В четыре часа сыграли боевую тревогу. В небе появился немецкий разведчик. Раздался длинный, тонкий звоночек, как будто сквозь сердце быстро продернули звенящую медную проволочку. Захлопали зенитки. Разведчик растаял в небе. Теперь сотни глаз через дальномеры, стереотрубы и бинокли еще внимательнее следили за небом и морем. Корабль мчался вперед в полной тишине навстречу неизбежному бою. Бой начался через час. Ожидали атаки торпедоносцев, но прилетели дальние бомбардировщики «хейнкели». Их было тринадцать штук. Они заходили со стороны солнца по очереди и, очутившись над кораблем, сбрасывали бомбы крупного калибра (мне показалось, как-то неторопливо сбрасывали).

Теперь успех похода, судьба корабля и судьба людей на корабле – все сосредоточилось в одном человеке. Командир «Ташкента» капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ярошенко, человек среднего роста, широкоплечий, смуглый, с угольного цвета усами, не покидал мостика. Он быстро, но не суетливо переходил с правого крыла мостика на левое, шурясь смотрел вверх и вдруг, в какую-то долю секунды приняв решение, кричал сильным, сорванным голосом:

– Лево на борт!

– Есть лево на борт! – повторял рулевой.

С той минуты, когда началось сражение, рулевой, высокий голубоглазый красавец, стал выполнять свои обязанности с особенным шиком. Он быстро поворачивал рулевое колесо. Корабль, содрогаясь всем корпусом, отворачивал, проходила та самая секунда, которая, как положено в банальных романах, кажется людям вечностью, и справа или слева, или впереди по носу, или за кормой в нашей струе поднимался из моря грязновато-белый столб воды и осколков.

– Слева по борту разрыв! – докладывал сигнальщик.

– Хорошо, – отвечал командир.

Бой продолжался три часа почти без перерывов. Пока одни «хейнкели» бомбили, заходя на корабль по очереди, другие улетали за новым грузом бомб. Мы жаждали темноты, как жаждет человек в пустыне глотка воды. Ярошенко неумоимо переходил с правого крыла на левое и, прищурившись, смотрел в небо. И за ним поворачивались сотни глаз. Он казался всемогущим, как бог. И вот один раз, проходя мимо меня между падением двух бомб, бог 2-го ранга вдруг подмигнул черным глазом, усмехнулся, показав белые зубы, и крикнул:

– Ни черта! Я их все равно обману!

Он выразился более сильно, но не все, что говорится в море во время боя, может быть опубликовано в печати.

Всего немцы сбросили сорок крупных бомб, примерно по одной бомбе в четыре минуты. Сбрасывали они очень точно, потому что по крайней мере десять бомб упали в то место, где бы мы были, если бы Ярошенко вовремя не отворачивал. Последняя бомба упала далеко по левому борту уже в сумерках, при свете луны. А за десять – пятнадцать минут до этого мы с наслаждением наблюдали, как один «хейнкель», весь в розовом дыму, повалился вслед за солнцем в море.

Бомбардировка окончилась, но напряжение не уменьшилось. Мы приближались к Севастополю. Уже была ночь, и в небе стояла громадная луна. Силуэт нашего корабля отлично рисовался на фоне лунной дорожки. Когда он был примерно на траверзе Балаклавы, сигнальщик крикнул:

– Справа по борту торпедные катера!

Орудия открыли огонь. Трудность положения заключалась в том, что ночью нельзя

Записки из Заполярья. Евгений Петрович Петров ilfandpetrov.ru
увидеть торпеду и отвернуть от нее. Мы ждали, но взрыва не было. Очевидно, торпеды прошли мимо. Корабль продолжал идти полным ходом. Катеров больше не стало видно. Вероятно, они отстали.

И вот мы увидели в лунном свете кусок скалистой земли, о котором с гордостью и состраданием думает сейчас вся наша советская земля. Я знал, как невелик сева­стопольский участок фронта, но у меня сжалось сердце, когда я увидел его с моря. Таким он казался маленьким. Он был очень четко обрисован непрерывными вспышками орудийных залпов. Огненная дуга. Ее можно было охватить глазом, не поворачивая головы. По небу непрерывно двигались прожектора, и вдоль них медленно текли вверх огоньки трассирующих пуль. Когда мы пришвартовывались к пристани и прекратился громкий шум машины, сразу стала слышна почти непрерывная канонада. Севастопольская канонада июня 1942 года!

Командир все еще не уходил с мостика, потому что бой, в сущности, продолжался. Был только новый этап его. Нужно было войти туда и пришвартоваться там, куда до войны никто не решился бы войти на таком корабле, как «Ташкент», и где ни один капитан в мире не решился бы пришвартоваться. Нужно было выгрузить груз и людей. Нужно было успеть взять раненых и эвакуируемых женщин и детей. И нужно было сделать это с такой быстротой, чтобы можно было уйти еще затемно. Командир знал, что немцы будут ждать нас утром, что уже готовятся самолеты, подвешиваются бомбы. Хорошо, если это будут «хейнкели». А если пикирующие бомбардировщики? Командир знал, что, каким курсом он ни пойдет из Севастополя, он все равно будет обнаружен. Встречи избежать нельзя, и немцы сделают все, чтобы уничтожить нас на обратном пути. Я видел, как стоял командир на мостике и следил за разгрузкой. Его напряженное лицо было освещено лунной. Двигались скулы. О чем он думал, глядя, как по сходням, поддерживая друг друга, всходили на корабль легко­раненые, как несли на носилках тяжело­раненых, как шли матери, прижимая к груди спящих детей? Все это происходило почти в полном молчании. Разговаривали впол­голоса. Корабль был разгружен и погружен в течение двух часов. Командир взял на борт две тысячи человек. И каждый из них, проходя на корабль, поднимал голову, ища глазами мостик и командира на нем.

Василий Николаевич Ярошенко отлично знал, что такое гибель корабля в море. В свое время он командовал небольшим кораблем, который затонул от прямого попадания неприятельской бомбы. Тогда Ярошенко отстаивал свой корабль до конца, но не смогстоять. Он к тому же был серьезно ранен. Корабль пошел ко дну. Ярошенко спас команду, а пассажиров тогда не было. Он последним остался на мостике и прыгнул в море только тогда, когда мостик стал погружаться. Он зажал тогда в одной руке партийный билет, а в другой револьвер, так как решил застрелиться, если выбьется из сил и станет тонуть. Тогда его спасли. Но что делать теперь? Теперь у него пассажиры – женщины, дети, раненые. Теперь надо будет спасать корабль или идти вместе с ним на дно.

Корабль вышел из Севастополя около двух часов...
1942

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!